

— @[]#@&&!!! — тихо, чтобы никто не услышал, выдохнула Талли, приближаясь к колдуну и одной из Старших Сестёр. Шла датомирка быстро, но почтительно склонив голову и не поднимая глаз. Сейчас ей было очень страшно. Страшнее, чем, когда её поймали в чужой библиотеке. Страшнее, чем в заварушках «дальнего патруля», страшнее, чем после поимки их группы.

«@[]#@&&!!!», — повторила она, но уже про себя, сдержав скулёж, когда почувствовала на себе, светящийся изумрудно-зелёным светом, взгляд третьей по силе Старшей Сестры клана. Мать Талзин. Сраная Мать Талзин сейчас управляла телом лидера группы Сестёр Ночи. Ни у кого просто не хватило бы силы для контроля такой сильной одарённой. Никому другому Третья Сестра не позволила бы влезть в её шкуру.

«Как же так? Почему?», — хуже было бы только личное присутствие Матери. Хотя, далеко не последние по силе боевики их клана и медиум, одержимый Талзин — это тоже то ещё дерьмо ранкора.

Талли вообще не думала, что за ними придут. Её «подруги» по патрулю ждали помощи, но В'арна надеялась, что их тупо спишут. Её сёстры по патрулю не понимали, что для них было бы намного лучше быть забытыми, а не спасёнными. Такое часто бывало: никто не удивлялся, когда очередные залётчицы дальнего патруля пропадали с концами. Следующие, кто пойдут по их маршруту, попытаются выяснить, что с ними приключилось, но на этом и всё.

Покрутившись неделю на «Рунге» и пообщавшись с колдуном и экипажем, девушка была почти уверена, что лично ей не грозит ничего особо страшного. Да и идиоток в загоне колдун убивать вроде не собирался, иначе непонятно, почему все его «исследования Одарённых» были настолько гуманны. Так что Талли рассчитывала, как минимум, получить свободу после того, как Сиитх покинет Датомир. Жаль, что её план «максимум», скорее всего, теперь полетел к ситховой бабушке.

«Ну почему они всё же припёрлись?!» — паниковала девушка, проклиная эту Вселенную. Всё, что она делала в эту неделю, скорее всего, было напрасно, и ждёт её не самое приятное будущее. — «Если оно вообще будет», — мелькнула мрачная мысль, полная безысходности.

Жизнь в плену была спокойна и приятна. Сиитх оказался вполне себе нормальным разумным, если привыкнуть к его улыбочкам, и хорошим Учителем, который прекрасно подавал материал. Талли тоже делилась своими знаниями и была максимально почтительна. Остальные разумные на корабле к ней относились или равнодушно или даже с симпатией. Последнее, разумеется, благодаря тому, что датомирка старательно пыталась произвести на всех хорошее впечатление.

Она была не душой, поэтому, первые два дня внимательно наблюдала за взаимоотношениями колдуна с подчинёнными. Именно благодаря этому девушка не попала впросак. Тут не практиковалось, нормальное для её клана, пренебрежение и жесткое отношение к нижестоящим в иерархии. Сиитх отдавал приказы, командовал, но атмосфера была далека от тирании сильных, как это было у Сестёр Ночи. Девушка сориентировалась быстро, засунула поглубже свою гордыню и спесь, и начала усиленно производить хорошее впечатление на весь

экипаж. Начиная от самого колдуна, и заканчивая занудным и бесячим протокольным дроидом. Да, даже с этим металлическим кретином она была неизменно вежлива. Потому как любая мелочь могла разрушить всё положительное впечатление, которое она старалась о себе создать, а за ней точно внимательно присматривали.

Так что, взаимоотношения с хозяином «Рунга» и его экипажем у девушки были вполне нормальные, и Талли всё по большей части устраивало. Особенно на фоне того, что её никто и не думал унижать. Но больше всего грел душу и заставлял мириться с выбранной ролью невиданный до плена комфорт.

Если говорить откровенно, то она первый раз в жизни была практически полностью удовлетворена условиями в которых существует. Урождённая Сестра Ночи, дочь одной из одарённых клана и раба-забрака, жила, как и все, в условиях жестокой конкуренции. Конкуренции за внимание наставниц, за знания, за нормальное снаряжение. Да даже за нормальную жратву и не рваное постельное бельё.

У Сестёр не было популярно понятие «материнской заботы», Талли вообще об этом узнала только из галонета будучи уже подростком. Мать у всех одна и имя ей — Талзин. Остальные лишь сёстры друг другу. Хреновые сёстры, отвратительные. Вообще, если брать те же голофильмы, то у неё была на редкость мерзкая семейка. Та же биологическая мать могла с лёгкостью устроить жестокое наказание родной дочери, если та провинится. Родных вообще наказывали жестче, чем всех остальных, чтобы никто не мог обвинить в фаворитизме или попытке создания оппозиционной группы. Встреча с настоящей мамой в коридоре гарантировала только то, что её пинок, которым тебя отбросят с пути, будет болезненнее, чем от всех остальных.

Талли была всегда одна и всегда против всех, для неё были сложнодостижимы концепции дружбы, уважения или любви, хотя имитировать их подобия она пыталась. Тёмные Одарённые с трудом уживались вместе, а уж о каких-то положительных чувствах друг к другу и говорить нечего. Скрепками, держащими их в едином обществе, был страх. Страх перед могуществом Матери, перед гневом шаманок, перед неминуемым уничтожением со стороны других кланов и банд, в случае, если их единство будет разрушено. И раньше Талли В'арна считала их уклад единственно верным.

Сильные и способные продвигались вперёд, оставляя неудачников глотать пыль. Интриги, подставы, хитрые комбинации, в результате которых твои «подруги» попадают в немилость к Старшим, а ты получаешь приятные бонусы. Талли это нравилось. Девушка наслаждалась своим хитроумием и отчаянием всякого мусора. Ровно до того момента, пока сама не вошла в эту категорию.

В дозоре её жизнь превратилась из просто дерьмовой в настоящий кошмар. Вечная грязь, невымытое тело, вонь, отсутствие даже минимума удобств, ночёвки на деревьях и постоянные дежурства. Риск жизни, мерзкая жратва и отвратительная компания «сестёр», которые испытывали к ней то же презрение, что и она к ним.

А теперь она в плену. Плен, ха! Ранкор разорви, да контраст между «свободной» жизнью и тем,

что Талли имеет теперь был настолько фееричен, что девушка на полном серьёзе собиралась отдаться в рабство колдуну. Можно даже отдаться полностью. Талли уже пару раз намекала на то, что не против отблагодарить нового Учителя не только знаниями, которые у неё есть. Но оказалось, что он был то ли туповат в этом плане, то ли у него и так всё отлично с удовлетворением похоти, то ли красноглазый не хотел близости с ведьмой из опасения за свою жизнь.

Последнее, конечно, правильное решение, только вот Талли не собиралась причинять колдуну вред, а наоборот, хотела заслужить его расположение, достаточное для того, чтобы Дзиха захотел забрать её с Датомира, и, в идеале, продолжил учить. Сестру Ночи впечатлило то, что творит Сиитх с помощью своего колдовства, и она была очень, очень заинтересована в изучении магии. Да, датомирское колдовство её тоже влекло, но где туманные перспективы в клане, и где реальные возможности рядом с красноглазым? Ей ведь ничего не мешает сначала получить его знания, а потом вернуться на Датомир и взять секреты ведьм уже не просто выпрашивая их, а по праву сильной! Да и поменяться можно будет, даже по «невыгодному курсу».

Так что датомирка спокойно восприняла просьбу Учителя принести две кружки кафа. Она заметила, что этот железный кретин, Трипио, бесил Сиитха почти так же, как и её, поэтому «с радостью» помогала колдуну минимизировать общение с этим занудой, набирая себе баллы расположения. Да и ненавязчиво, хоть и как можно больше, крутиться рядом с красноглазым — входило в её планы.

Датомирская ведьма зашла на кухню, взяла поднос с двумя кружками кафа, приготовленного автоматом, вышла наружу, и в первое мгновение, увидев боевую группу Сестёр Ночи, чуть не уронила поднос. Ну и с трудом сдержалась, чтобы не вернуться на крейсер, когда увидела, что Одарённые пришли под предводительством одержимой Матерью Старшей. День, начавшийся со вкусного завтрака, после сна в мягкой постели, был полностью испорчен неизбежным крахом её планов и страхом.

Немного успокоило то, что Мать только мазанула по ней взглядом, вернув своё внимание колдуну, который что-то ей увлечённо рассказывал с очередной пугающей улыбкой. Да и остальные сёстры, стоящие поодаль от Талзин, разговаривающей с мужчиной в балахоне, были более-менее расслаблены, с интересом оглядывая лагерь, и насмешливо скалясь на загон с «товарищами» Талли.

— ... и если всё обобщить... — расслышала девушка голос Сиитха, подойдя поближе. На секунду он замолчал, задумчиво погладив бороду, но потом продолжил. — Я практически уверен, что Клыкастый и Крылатая — это одна сущность. Они и есть Датомир, вернее его аватары, имеющие разные полярности.

Мать несколько мгновений помолчала, разглядывая лицо колдуна, а потом растянула губы в доброжелательной улыбке.

— К сожалению, Владыка Дзиха, ни тот, ни другая никогда не отвечали нам, — голос Старшей Сестры, одержимой Матерью был не совсем человеческий. Какое-то жуткое, потустороннее

эхо, в котором слышался настоящий голос Талзин, вызывало мурашки по телу. Да и то, как она обратилась к красноглазому... неужели он действительно ситх?! — Были случаи, когда они друг с другом сражались, но в записях Аллии, что хранятся у нас, есть её предположения, которые близки к вашим рассуждениям.

— В их противостоянии нет ничего странного. Мы тоже сражаемся сами с собой, принимая сложные решения, просто в случае простых смертных это никак не отражается на окружающем мире. Но было бы интересно взглянуть на записи Мастера Аллии, если это возможно, конечно, — очень нагло намекнул колдун, забирая с подноса кружку кафа. — Спасибо, Талли. Угощайтесь, Мать Талзин. Отличный каф, который мне отправил в подарок Джабба Десилиджик Тиуре. Пройдоха отлично наварился на перепродаже мест на обучение первого потока Академии. Подозреваю, что надо мной тонко посмеялись, но вкус у напитка из хаттских зёрен по-настоящему прекрасный. Даже мстить как-то не тянет.

— Благодарю, — вторая кружка покинула поднос, а Талли неслышно выдохнув от того, что её даже не удостоили взглядом, собралась вернуться на крейсер и забиться куда-нибудь поглубже, но... — Задержись, пожалуйста, дитя, — Остановил её голос Матери, которая продолжала мило улыбаться колдуну. — Касаемо хаттов, скорее всего это было искреннее выражение благодарности. Что-то вроде дара, для того, чтобы отблагодарить человека, позволившего Джаббе заработать. Вы же ничего не потеряли на его махинации?

— Ничего, кроме лица, — фыркнул Сиитх.

— Это для них несущественно. Отношение хаттов к другим разумным сильно отличается от отношения внутри вида, — тихий инфернальный смешок сорвался с уст Матери. — Но они очень полезны. Большую часть торговли Сёстры Ночи ведут именно через хаттских контрабандистов.

— Контрабандисты... — лицо колдуна приняло сложное выражение.

— Дружище Вилли? — одна бровь одержимой Сестры чуть приподнялась, а в голосе послышалась капля иронии.

— Он самый, — хмыкнул Сиитх. — Его дочь учиться в моей академии. Должен признать, что она весьма талантлива. Причём и как маг, и как коммерсант.

— Неудивительно, при таком-то отце, — теперь хмыкнула уже Мать. — Жаль не всем передаются положительные черты родителей, — голова одержимой на пару секунд повернулась к загону с сидящими там ведьмами. Казалось, что изумрудное свечение смотрело на девушек недовольно и с укором.

«Нам пиздец», — поняла Талли, и тихо вздохнула. Кажется, у Талзин планы на этого красноглазого, и залётчиц вполне могут прикончить, чтобы показать расположение Матери к гостю.

Настроение было ужасным, страх сменялся гневом, гнев страхом и так по кругу, но Мать и колдун продолжали говорить о какой-то ерунде. О Датомире, джедаях, торговле, сепаратистских настроениях в галактике, графе Дуку, рабовладении...

Постепенно в мрачном занавесе беспросветного будущего Талли начались мерещиться смутные проблески яркого света надежды. Зря...

— Мастер Сиитх, вы не возражаете если мы ненадолго отойдём пошептать? — обворожительно улыбнулась ведьма, взглянув на колдуна, когда они закончили обсуждение уничтоженной многие тысячи лет расы Ква, жившей раньше на Датомире.

— Ну разумеется, Мать Талзин, это, как-никак, ваша дочь, да и мир ваш. Я всего лишь скромный гость, прибывший сюда удовлетворить своё любопытство.

— Вашу бы скромность некоторым нашим гостям... — слегка ворчливо протянула женщина, кивнув Талли в сторону группы Сестёр Ночи.

Они с Матерью остановились уже в группе Тёмных Одарённых. Молодая девушка трепетала под изумрудным светом глаз одержимой, а в её душе всё гуще разрасталась чёрная тоска. Слова Сиитха явно дали понять, что никто не будет за неё бороться. Он — всего лишь гость.

— Я смотрю, дитя, у тебя хватило ума устроится с комфортом? — Талзин прямо посмотрела на Талли.

— Да, Мать, — девушка рухнула на колени, почувствовав давление могучей ведьмы. Молодую датомирку начало мелко трясти, а сердце едва не выпрыгивало из груди. Она склонила голову, оперевшись взглядом с землю у ног Матери. Все переживания с момента, как она увидела сестёр и одержимую, навалились скопом, разрывая уничтожая и топя разум в волне паники.

— Встань, дочка, — от ласки в инфермальном голосе одержимой Талли В'арна едва не заскулила. Силы на то, чтобы вновь подняться на ноги нашлись просто чудом.

— Рассказывай, — одно слово, сказанное с невиданной до сегодняшнего дня теплотой и участием. Оно было нежным и... желанным? Оно заставило Талли почувствовать, как в уголках глаз наворачиваются слёзы, а сердце приятно защемило от... любви? Материнской любви, о которой так сильно мечтала девочка, даже не подозревая, что это такое. Одиноким ребёнком, потерянным в холодной и бесконечно враждебной галактике. Наконец то она поняла, что это такое... мама.

И Талли начала говорить. Она рассказывала о том, что произошло, как она попала в дальний дозор. Взахлёб, со всеми нюансами и мелочами. Потому что мама пожалеет. Мама поймёт и простит. Мама не будет ругать. Она — самый, самый близкий человек во всей Вселенной. Она — единственная, кто её любит... И весь этот восторг цвёл на фоне всепоглощающего ужаса в глубине разума девушки. Там билась в океане страха и паники другая Талли, пытаясь всплыть,

вернуть контроль, заткнуть ту, чуть ли не ссущую от счастья идиотку, что сейчас наговаривает себе на смертный приговор.

Ужас и любовь. Напополам. Это то, что испытывала сейчас Талли в двух лицах, рассказывая всё, что происходило с ней и теми дурами из дальнего патруля. Она не могла себя заткнуть, с обожанием делясь с любимой мамой всем, что происходило. Она боялась её гнева и жаждала одобрения.

Мокро. Мокрые дорожки слёз по её щекам. Обида. Обида на её тупого командира, на лицемерных, не ценящих её, девушек из дозора, которые должны были стать товарищами, объединёнными целью вернуться в клан. На жадную Шаманку, которая её выкинула в «дальний патруль» из-за того, что Талли влезла в её библиотеку. Слепая ведьма просто не разглядела таланта Талли! Мама всё поймёт. Мама любит... Ведь... ведь так?

— Дитя, расскажи про вашу встречу с Сиитхом, — горячая ладонь мамы нежно погладила её по щеке, стирая слёзы обиды. — Как так получилось, что моя дочь попала в плен?

— Прости, мама! — почему она не догадалась, что нужно рассказать про этого колдуна? Мама же хочет знать именно это! Наверняка про то, что произошло в клане ей и так прекрасно известно! Какая же Талли дура...

Ей был безразличен отчаянный крик неслышный никому, кроме неё же. Её собственный крик, призывающий быть осторожнее, который Талли проигнорировала. Ведь её спрашивает мама. А мама никогда не сделает плохо дочери! Поэтому нет ничего, что бы мешало девушке всё честно рассказать единственному любящему человеку во вселенной. Слова лились водопадом. И мама её слушала. Участливо кивала, нежно гладила по волосам, улыбалась. Сердце щемило...

— Убожество, — как бетонная плита упало слово Матери, когда Талли закончила говорить о их стычке с Сиитхом и его мандалорцами. Захотелось просто упасть и умереть. Сердце пропустило удар, дыхание перехватило. Зачем жить, если мама... — Перестань, — нежная улыбка, ласковое касание любимой ладони буквально вернуло её к жизни. — Ты у меня умница. Во всём виновата старшая патруля.

Талли часто-часто задышала. Мама просила перестать плакать, но её похвала... Девушка столько лет мечтала услышать эти слова. Даже та Талли, которая кричала из глубины, чтобы дочь Матери Талзин была осторожнее, замолчала. Потому что первый раз в жизни... первый раз за столько лет... её похвалили.

Слёзы хлынули ручьём, но теперь это были слёзы облегчения и счастья. Талли не могла их остановить, а нежное, ласковое касание руки её матери практически заставило взвыть от восторга.

— Тише, будь хорошей девочкой. Ты же не хочешь, чтобы я в тебе разочаровалась? — молодая ведьма закусила губу, изо всех сил пытаясь успокоиться. Конечно, она не хочет разочаровывать

маму. — А теперь расскажи, что ты делала всю эту неделю с колдуном.

Из глубины разума раздался визг ярости, призывающий её не доверять, не говорить всё, но... что за глупости? Мама же попросила! Попросила! Значит нужно рассказать! Тоскливый вой в глубине разума сопровождал каждое слово молодой ведьмы.

Талли, запертая в глубине сознания, затопленного фальшивым восторгом, горько оплакивала свою жизнь, которая вскоре закончится. Мать Талзин, задушившая ей голову, не простит мыслей о предательстве, а именно в этот момент девушка делилась своими планами улететь с Датомира вместе с Сиитхом, который уже начал её учить. Хорошо хоть одурманенное любовью сознание не признавалось, что она недавно собиралась обучиться у Сиитха, и вернуться на родину, чтобы забрать знания по праву сильного. Это единственное, что дарило надежду на быструю смерть, а не на долгие муки у какой-нибудь поехавшей на садизме Старшей.

— Хм... И как ты думаешь, есть у тебя шансы заинтересовать колдуна? — странный вопрос заставил удивиться восторженную дурочку, и заткнуться оплакивающую свою жизнь юную ведьму, запертую внутри. Изумрудный свет глаз одержимой, казалось, просвечивал её насквозь. Этот вопрос... Мать хотела, чтобы у Талли были шансы?

— Есть, — первый раз за этот разговор обе Талли хотели ответить одинаково, и сделали это твёрдо. Одна с желанием услужить, а другая — выжить.

***

От Автора: Кто будет шутить про "Оно живое", тот Палпатин Джа-Джа Бингсович.

<http://tl.rulate.ru/book/86827/3962705>